

Глава 4

В своём школьном сочинении Ли Чжи написал: «Мир — это опрокинутая пиала, а я — муравей, запертый внутри неё. Моих хрупких усиков не хватит, чтобы сдвинуть эти стены хотя бы на сотую долю процента, и мне остаётся лишь покорно ждать конца».

Учитель подчеркнул это предложение волнистой линией, но оценку за работу снизил. На перемене преподаватель словесности сокрушённо вздохнул:

— Ли Чжи, в экзаменационных работах так писать нельзя. Нужен позитивный, созидательный настрой.

Словесность давалась Ли Чжи лучше прочих предметов. Возможно, сказывалась детская любовь к чтению — единственная его страсть. Когда отец был ещё жив, он оформил сыну читательский билет. По выходным отец, если выкраивал свободную минуту, забирал Ли Чжи в библиотеку, и они проводили там за книгами целые дни. Если же он был занят, с сыном ходила Ван Сяочунь.

В те времена она была хорошей матерью. Резкой на язык, но с мягким сердцем. Если она и поднимала на него руку, то редко, исключительно в воспитательных целях.

После трагедии с отцом её словно подменили. Ли Чжи понимал: ей тоже несладко, оттого она и стала такой вспыльчивой, оттого и пьёт таблетки. В тот день, когда его избили, Ван Сяочунь постучалась в его комнату, неся тарелку с нарезанными фруктами.

Ли Чжи сидел на подоконнике, обхватив колени руками. Толстая чёлка закрывала глаза, очков на нём не было — у него просто не хватило духу потянуться за ними...

Те трое мальчишек у двери явно не ожидали, что прямо с порога им преподнесут столь царский «поклон». Чжоу Баюй злорадствовал, Хань Цзыяо кривился от отвращения, и лишь Чу Минчжан молча опустил на корточки, подобрал очки и протянул ему. Лицо его при этом оставалось бесстрастным, даже холодным.

Но на фоне неприкрытой злобы остальных равнодушие Минчжана казалось едва ли не верхом нежности. Ли Чжи поднял голову. Пальцы, упирившиеся в пол, судорожно сжались, но стоило ему приподнять руку, как на тыльную сторону ладони упала тяжёлая тёплая капля.

Кровь из носа.

На коже расплылось грязное багровое пятно. Ли Чжи обдало волной жгучего стыда. Отдёргнув руку, словно обжёгшись, он вскочил и бросился прочь, не смея оглянуться.

— Ли Чжи? Ты там? Мама заходит, — вновь раздался голос Ван Сяочунь.

Ли Чжи торопливо соскочил с подоконника. Он едва успел повернуться, как запертая изнутри дверь со щелчком отворилась — мать воспользовалась запасным ключом.

— И зачем запирается в собственной комнате? От кого ты прячешься? — недовольно проворчала Ван Сяочунь. Сделав пару шагов к сыну, она опустила тарелку на его письменный стол. — Вот, поешь фруктов.

У Ли Чжи не было аппетита. Он стоял перед матерью, не зная, куда деть руки, и робел так, словно перед ним была не родная мать, а грозный начальник, чьё расположение нужно вымаливать из всех сил.

— Ты на меня не обижайся, у меня просто сердце горит, — нарушив молчание, Ван Сяочунь привычно перевела тему. — Я ведь тебе только добра желаю. Подумай сам, Ли Чжи, кому ты здесь нужен, кроме меня? Кто о тебе ещё позаботится?

Желание родителей вырастить из ребёнка успешного человека — вещь самая обыкновенная, но одержимость Ван Сяочунь переходила все границы.

— Я ведь тоже из сил выбилась, — бросила она напоследок и вышла.

Ли Чжи сполз по стене на пол. В голове навязчивым эхом отдавались её последние слова:

«Я ведь тоже из сил выбилась».

«Я ведь тебе только добра желаю».

«Она больна, она пьёт таблетки. Хотя она и скрывает это от тебя, ты ведь всё знаешь, — твердил себе Ли Чжи. — Пойми её. Ей тоже невыносимо тяжело».

Кое-как успокоив себя, он поднялся с пола, повернулся к распахнутому окну и вдруг ощутил дикий, непреодолимый соблазн сделать шаг вперёд и полететь вниз...

Но сдержался.

Однако именно с той ночи его сны превратились в непрекращающийся кошмар.

Ли Чжи понимал, что ломается изнутри. Собственное тело казалось чужим: порой мышцы наливались свинцовой тяжестью, лишая возможности даже поднять руку. В ушах постоянно звенело, а перед глазами то и дело возникали пугающие видения.

Самый жуткий приступ случился прямо во время экзамена — он закричал на весь класс.

Ли Чжи никак не мог разобрать условия последней, самой сложной задачи. Ровные строчки чёрных символов вдруг поплыли, зашевелились, оборачиваясь острыми вилами и уродливыми гримасами, а затем слились в единый скалящийся череп.

— А-а-а-а! — в ужасе завопил Ли Чжи, резко вскакивая с места.

Сидящий позади ученик испуганно отпрянул, а дремавший у доски дежурный учитель мгновенно встрепенулся.

— Молодой человек, что с вами?

Ли Чжи хрипло, прерывисто дышал. Лишь спустя минуту морок отступил, безумный хохот в ушах затих, а зрение прояснилось.

— Простите, учитель... — пробормотал он. — Просто огромный жук привиделся.

Преподаватель нахмурился и раздражённо выговорил:

— Соблюдайте дисциплину в классе.

Ту задачу он, конечно, не решил, да и остальные предметы сдал плохо. Даже по любимой словесности получил низкий балл — именно тогда, поддавшись минутному порыву, он и вывел на бланке те злополучные строки про муравья и пиалу.

Когда выдали табели успеваемости, дома разразился очередной скандал. Тем же вечером Ли Чжи стоял у открытого окна. Он уже перебросил одну ногу через подоконник, глядя в бездну, но прыгнуть так и не решился. Он просто просидел на краю до рассвета, овеваемый ледяным ночным ветром.

На следующий день во время обеденного перерыва Ли Чжи сбежал с уроков и отправился в больницу. Приветливая женщина-психиатр терпеливо ждала, пока он заполнит опросники, а затем мягким голосом задала несколько вопросов. Ли Чжи отвечал тихо и честно.

— Записать тебя на сеанс к психотерапевту? — спросила она под конец.

Ли Чжи покачал головой.

Из больницы он ушёл с шуршащим пластиковым пакетом, полным разноцветных лекарств. Друзей у него не было, так что эти пёстрые капсулы и таблетки быстро заняли их место. Они дарили ему покой, заставляли казаться нормальным — и этого было вполне достаточно.

Ему тогда не исполнилось и пятнадцати. Пределом его мечтаний было выпросить лишний час на телефон или просто почитать то, что хочется. Но грёзы оставались грёзами — серая реальность состояла лишь из бесконечной учёбы и дополнительных занятий.

Однажды, вернувшись со спецкурсов выжатым как лимон, он столкнулся в прихожей с Чжоу Баюем и двумя его приятелями. Изнурённый, взъерошенный Ли Чжи выглядел жалко на фоне этих троих — холёных, безупречно одетых и излучающих уверенность.

Встречи с этой компанией никогда не сулили ничего хорошего. Ли Чжи попытался шмыгнуть мимо, но Чжоу Баюй бесцеремонно сцапал его за шиворот.

— Ты куда это намылился?

— Брат... — едва слышно выдавил Ли Чжи. — Мне нужно делать уроки.

— Перетопчутся твои уроки, — бросил Баюй. Сегодня он был в благодушном настроении, поэтому ограничился лишь насмешкой, хотя в другой день непременно отвесил бы пинка. — С твоими-то баллами... Да я левой ногой тест напишу лучше, чем ты со всей своей зубрёжкой.

— У него, походу, с головой не всё ладно, — с готовностью поддакнул Хань Цзыяо. — Столько репетиторов нанимают, а результаты псу под хвост. Впрочем, чему удивляться? Приблудыш есть приблудыш, против генетики не попрёшь...

Лицо Ли Чжи вспыхнуло пунцовым румянцем. Закусив губу, он отчаянно пытался сдержать слёзы. Больше всего на свете ему хотелось забиться в самый тёмный угол платяного шкафа в своей комнате и умереть там, но мёртвая хватка Чжоу Баюя лишала его малейшего шанса на побег.

— Мы играть собираемся или как? — подал голос Чу Минчжан, не отрывая взгляда от экрана телефона. — Мне к половине одиннадцатого нужно быть дома.

Чжоу Баюй повёл плечом, но руку так и не разжал. Он потащил Ли Чжи на второй этаж, в игровую комнату. На его губах играла злобная ухмылка:

— Даже не думай смыться. Будешь у нас на побегушках.

«Прислуга» — это значит подай-принеси. Дело для Ли Чжи привычное. Быстро раздобыв для Баюя и Цзыяо ледяной колы, он замер перед Чу Минчжаном в нерешительности — тот так и не озвучил свои пожелания.

Прождав пару минут, Ли Чжи робко выдавил:

— Тебе... принести что-нибудь выпить?

Чу Минчжан слегка нахмурился и обронил:

— Не нужно.

«Не нужно». Это были первые слова, которые Чу Минчжан адресовал ему. В последующие годы Ли Чжи услышит их ещё сотни раз, и почти всегда они будут приносить ему лишь новую боль.

Но тогда, в самый первый раз, эта короткая фраза спасла остатки его растоптанного достоинства. Минчжан не стал помыкать им, как слугой, в отличие от остальных, и Ли Чжи в душе выдохнул с облегчением.

Отмашки уходить от Чжоу Баюя так и не поступило. Не смея уйти без разрешения, Ли Чжи забился в угол дивана и принялся за домашнее задание для курсов. Но сосредоточиться не получалось: игровая станция Баюя была оснащена по последнему слову техники, сочный звук и яркая картинка полностью захватывали внимание. Он то и дело отрывался от тетради, косясь то на экран, то на сидящих перед ним парней.

С Минчжаном и Цзыяо он пересекался редко — по сути, это была их вторая встреча. Однако за год жизни в доме Чжоу он успел навести о них справки.

Если описывать их в двух словах, они были хозяевами этой жизни. Неприкасаемой элитой.

Отец Хань Цзыяо владел крупнейшей в городе S компанией по поставке медицинского оборудования, а мать возглавляла городское управление здравоохранения. Влиятельный союз двух титанов позволял семье Хань держать под контролем значительную долю частного медицинского сектора региона.

Но происхождение Чу Минчжана поражало воображение куда сильнее. При первой же мысли о его семье у Ли Чжи бежали мурашки по коже.

И Минчжан, и его мать носили фамилию Чу — редкий случай матрилинейного наследования. Всё потому, что его бабушка по материнской линии была фигурой колоссального масштаба. Настолько значимой в высших эшелонах власти, что Ли Чжи боялся даже мысленно произносить её должность.

Дед Минчжана в своё время разошёлся с супругой из-за идейных разногласий, оставил государственную службу и ушёл в бизнес. Поймав волну рыночных реформ и умело используя связи, он быстро сколотил состояние на недвижимости. К сегодняшнему дню созданная им корпорация «Хунтянь» давно переросла рамки девелопмента, превратившись в диверсифицированный многопрофильный холдинг.

Отец же Минчжана был сыном близкого друга и доверенного лица деда. Он вошёл в семью Чу на правах зятя-примака. Тем не менее этот человек обладал недюжинной деловой хваткой и незаурядным умом — иначе дед никогда бы не доверил ему управление своей империей.

Мать Минчжана, формально занимавшая пост председателя совета директоров, делами холдинга практически не интересовалась. Всем управлял её супруг в роли генерального директора. Именно под его началом «Хунтянь» превратилась в нерушимый экономический бастион, в настоящего коммерческого левиафана.

Минчжан рос в условиях абсолютной роскоши и всевластия. Даже его имя несло в себе глубокий смысл. Когда Ли Чжи услышал его впервые, оно показалось ему невероятно благородным, словно принадлежало какому-нибудь древнему принцу крови.

Имя мальчику дала его великая бабушка. Она позаимствовала его из канона «Дао Дэ Цзин»: «Кто не выставляет себя напоказ — тот светел; кто не считает себя правым — тот прославлен».

На склоне лет Бабушка Чу пришла к горькому выводу, что они с мужем в молодости были слишком ослеплены погоней за властью и богатством, из-за чего упустили нечто неизмеримо более важное. Она не желала внуку подобной участи и искренне надеялась, что он вырастет чуждым холодному прагматизму, научится слушать собственное сердце и всегда будет знать, чего хочет на самом деле.

Минчжан родился под счастливой звездой, и Ли Чжи завидовал ему до боли в груди.

Антидепрессанты помогали держать тело под контролем, но были бессильны перед медленным распадом души. Мысли о том, чтобы распахнуть окно и сделать последний шаг, по-прежнему накатывали удушливой волной. Когда человек оказывается на этой грани, он вынужден цепляться за соломинку, выдумывая любой, самый абсурдный повод остаться.

Ли Чжи нашёл свой смысл. Он решил жить ради великой мечты — стать таким же свободным и сильным, как Чу Минчжан.

<http://bllate.org/book/20441/2106552>